

зательной) ее составляющей. Эту загадочность иногда называют непонятностью, но это именно загадка, обусловленная недоговоренностью стиха. «Уронили мишку на пол» — здесь все понятно, а вот следы на песке, страшный их символ, открывающийся поэту, прежде всего поэту, — что это? И читатель думает по-своему, открывает нечто для себя каждый, кто только столкнется с этим стихом.

В свете малого «объема» стихов скажем и о самом издании. В книге много воздуха, и это хорошо. Каждый стих располагается на отдельной странице. Исключения, конечно же, есть, но в основном эта пропорция соблюдается: один стих — одна страница. Помнится, В. В. Розанова, выдающегося философа, упрекали за публикацию «Опавших листьев»: зачем такой разброс, к чему каждое философское и/или житейское наблюдение (что, в общем-то, одно и то же у философа!) помещается на отдельной странице? Трата бумаги? Но философия того стояла! Так и стихи. Негоже, чтобы одно чувство наезжало на другое. Конечно, читатель и сам разберется, что к чему, но можно ему помочь...

Есть в сборнике стихи о памяти: «Памяти Тютчева», «Памяти Стругацких», «Памяти Эмиля Лотяну», «Памяти Степана Щипачева», «Памяти Даниила Андреева», «Памяти Мандельштама» (о чем мы говорили уже), «Памяти Рубцова». Удивительные стихи! Каждое как отклик на творчество того, кому посвящается. *...эти вечные страхи / точно красный террор / каждый день как на плахе / ждешь и ждешь приговор; это поют степи / это текут реки / главное это воля / наша такая доля; родной язык не дебет-кредит / родной язык не отобрать / и птичий горбоносый лепет / как трепетная благодать.* Андреев, Лотяну, Мандельштам угадываются сразу. А «Памяти Степана Щипачева» написано по-щипачевски, не спутаешь с другими стихами, как не спутаешь и рубцовское. Здесь стусок творчества, отражаемый другим поэтом в знак восхищения и, конечно же, памяти.

Необычно название сборника — «Империи». Завесу названия приоткрывает второе стихотворение в книге, где говорится про империю греха, а противостоит ей империя любви. *Они ведут суровый бой, / Одна империя с другой. / Бой этот не кончается. / И маятник качается.* И почти вся книга написана про этот бой «империй». Правда, в избранное помещены и другие стихи: из «Рай-центра», из «Мемуаров», «Сада-монастыря», «Цели». Но абсолютное большинство отвечает идее противоборства, ежедневной, ежечасной войне двух сил, двух «империй».

Что мы предприняли? Разложили все по полочкам, но стихи остаются стихами, и в качестве заключения к рецензии представим одно из них полностью: *мальчик / на улицах Москвы / юноша / в российском черноземном райцентре / мужчина / на улицах Нью-Йорка и Парижа / дедушка / на улицах Берлина / неужели / это все один человек / один обычный / маленький / человек / живший / в необычное / переломное / время («Портрет». 2013, Берлин).*

Вера ХАРЧЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК, ИЛИ НЕ ТОТ САМЫЙ МЮНХГАУЗЕН

**Беррис фон Мюнхгаузен. Последний рыцарь. Избранные стихотворения.
Перевод с немецкого Е. В. Лукина. СПб., 2019.**

Принято считать, что в 1930—1940-е годы в Германии не было великих поэтов. Ну, не укладывается образ стихотворца в жесткие рамки сформировавшегося представле-

ния о том, какой была эта страна при Гитлере. И если уж приходится говорить о немецкой поэзии времен Третьего рейха, то вспоминают либо тех, кто покинул страну после прихода к власти национал-социалистов, либо цитируют бульварные пропагандистские «речевки» Бальдура фон Шираха и других авторов того же «культурного» калибра. Между тем на самом деле все было намного сложнее.

И поэты были, и стихи они писали и издавали, причем хорошие. И на власть при этом подчас не оглядывались. Уровень их был, разумеется, разным. Встречались среди них и такие, кого в свое время высмеивал Маяковский: «кудреватые мудрейки, мудреватые кудрейки», Встречались и настоящие титаны поэзии, мощные авторы, незаслуженно преданные забвению только за то, что жили в эту эпоху и в этой стране. Одному из таких литературных великанов и посвящена книга известного петербургского поэта и переводчика Евгения Лукина «Беррис фон Мюнхгаузен. Последний рыцарь».

Вот он топорщит баронские усы с офорта Германа Штрука — правнук того самого Мюнхгаузена, что служил в российской армии при императрице Екатерине Великой и рассказывал невероятные байки о своих приключениях в далеком и заснеженном царстве, — Беррис Альбрехт Конон Август Генрих фрайхерр фон Мюнхгаузен. Владелец старинного замка, настоящий немецкий барон, автор блистательных баллад о рыцарской доблести, верности и нежной любви, «первый и наиболее сильный поэт немецкого модерна», как его охарактеризовал в свое время Стефан Цвейг. Для немецкой поэзии он был величиной, пожалуй, даже более значительной, чем Николай Гумилев для русской, хотя романтизм в стихосложении их откровенно роднит. Как роднит и то, что поэзия была для них обеих высшей властью, по сравнению с которой власти мирские теряли свое значение. Разница только в том, что эти самые власти к поэтам относились по-разному.

Авторитет Берриса фон Мюнхгаузена как лучшего немецкого поэта эпохи был настолько велик, что с ним не спорили даже руководители страны. Когда господину барону пришлось в голову издать в 1941 году антологию еврейской поэзии, ни Гитлер, ни СС, ни одиозная государственная политика в отношении евреев были ему не указ. Книга вышла и, мало того, поступила в продажу. А в возглавляемый им Вартбургский круг поэтов опасались совать нос не только рядовые нацистские пропагандисты, но даже сам доктор Геббельс.

Возможность познакомиться с творчеством последнего немецкого романтика представляется российскому читателю впервые. До сих пор на русском языке издавались лишь некоторые его стихотворения, причем исключительно в составе различных сборников. В книге «Последний рыцарь» представлен наиболее развернутый корпус произведений поэта, причем большинство из них никогда не переводилось на русский язык. Оценить красоту и звучность поэзии автора позволит и то, что тексты в издании приводятся как в блестящем переводе Е. В. Лукина, так и на языке оригинала.

Отдельный интерес представляет опубликованная в приложении статья фон Мюнхгаузена «Мои предки», позволяющая понять образ мыслей поэта, его взгляды на мир, на то, что происходило вокруг него, оценить масштаб личности, способной в перипетиях первой половины XX века сохранить целостность, не предать свои идеалы, не прогнуться под эпоху. Остаться романтиком, рыцарем, поэтом и сказочником.

Сергей КОРМИЛИЦЫН

Беррис фон Мюнхгаузен

**«Я – ПОСЛЕДНИЙ В РОДУ
И ПОСЛЕДНИЙ В СТРАНЕ»**

Перевод с немецкого Е. В. Лукина

Сага о кожаных штанах

Этот царский олень жил бы тысячу лет,
Но его подстрелил на охоте мой дед.
Его кожа была и толста, и крепка —
Можно сшить превосходную вещь на века.
Долго дед над оленьей шкурой мудрил,
Наконец он штаны из нее смастерил,
Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.

Это дивные были штаны, и мой дед
Их носил, не снимая, почти тридцать лет,
А когда по наследству отцу перешли,
То стоять без труда уже сами могли.
Задубев на морозе, они вечером
Перед жарким камином стояли колбм.
От колючих метелиц, от хлестких дождей
Становились штаны лишь прочней и прочней.

Вот родителю стукнуло за шестьдесят.
Он решил починить свой любимый наряд.
Оказалось, что кожа все так же крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка,
Как зубцы шестеренок в старинных часах.
И отец гарнитур поменял на штанах.

Не вернуться веселым денькам никогда:
Очертела отцу верховая езда,
Да и правду сказать, сумасшедший галоп
Разутешит едва ли почтенных особ.
Над подарком недолго раздумывал я:
Очутились штаны на зад у меня.

Был приказ воевать в кавалерии мне,
И штаны в тот же час подскочили в цене.
Во спасенье не раз на баталиях им
Приходилось сливаться с моим вороным,
А потом на просушке они вечером
Перед жарким камином стояли колбм.

В тех местах, где я рос и мужал на глазах,
Сохранился от деда рассказ о штанах,
Что когда-то весенней цветущей порой
Отливали они изумрудной волной.
Но позднее отец подмечал между строк
Сероватый оттенок, мышинный намек.
А сегодня штаны эти выглядят так,
Как чуть-чуть побуревший турецкий табак.

Что ж, меняя хозяев, штаны каждый раз
Обретали внезапно и новый окрас.
И как знать, не придется ли им покраснеть,
Если кто-нибудь вновь пожелает надеть,
Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.
Сквозь далекую дымку все чудится мне:
Старший сын поутру скачет в них на коне.

Пусть он носит штаны круглый год напролет,
Ни в дожди, ни в метелицу не бережет.
Их дубленая кожа, как прежде, крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка.
По примеру отца пусть мой сын дорогой
Гарнитур поменяет на них роговой.

Если будут штаны так и дальше служить,
Если будет штаны честолюбец носить,
Если будут штаны так же ездить верхом,
Если будут стоять так же сами колбм, —
Мальчик мой, пусть идут за годами года,
Но не сносятся эти штаны никогда.

Последний рыцарь

«Угасает мой род. Я — последний в роду.
Золотая листва опадает в саду,
И дыханье зимы уже слышится мне.
Я — последний в роду и последний в стране.

Помню, пылкая страсть уносила меня:
Я держался за гриву лихого коня.
Но другая, увы, наступила пора,
И меня теперь держит за гриву хандра.

На последнюю встречу в мой каменный дом,
Возведенный над древним Везерским холмом,
Собралась вся моя записная родня —
Проводить в одинокую вечность меня.

Я был рад раздарить напоследок добро:
Кому — тучные нивы, кому — серебро,
И мужам благородным напомнить наказ:
Вековые законы священны для нас!

И копье мне вручили мужи, а затем
Нахлобучили сверху заржавленный шлем,
Повели попрощаться к воротам стальным:
Как бродяга, я встал перед домом родным.

И стоял я на пыльной дороге один,
Сам себе человек, сам себе господин,
И, как гостя, меня пригласили в мой дом
И наполнили кубок кипящим вином.

Я сказал: пью за доблесть в смертельном бою,
За святые могилы в родимом краю
И за ветхое древо с последним листом,
Что теперь опадает в саду золотом».

Старый рыцарь замолк, и с глухою тоской
Посмотрел на туманный рассвет над рекой,
И навеки смежил перед миром глаза,
И сорвавшийся лист отлетел в небеса.

И тотчас над притихшим Везерским холмом
Разразился прощальный серебряный гром:
Застонали, заплакали колокола,
Развевая печаль от села до села.

А когда растворился туман на заре,
Раздались песнопения в монастыре,
И возвысилась к небу вся святость земли,
Ибо прочные камни в основу легли.

.....

На дворе спозаранку седлали коней.
Расставались мужи до рождественских дней
И скакали домой по туманной меже...
Только наш старый рыцарь был дома уже.

Ландскнехты в раю

На небе во дворце старинном
Сидят они перед камином,
Ландскнехты отгремевших битв.
Далеко от седых пророков
Сидят они, не зная сроков,
Талдыча тысячи молитв.

В подсумке флягу жестяную
Порой пошарят, но впустую:
Нет выпивки в святой глуши.
Лишь ангел, заглянувший кстати,
Подаст стаканчик благодати —
Отраду праведной души.

А кто захочет побраниться:
«Черт подери муштру и смерть!»,
Уста не смогут оскверниться,
Но смогут аллилуйю спеть.
Тут даже раненый рейтар
Улыбку выдавит сквозь жар,
Тряхнет ошметком бороды
И сплюнет в сторону звезды.

В раю блаженство — это так,
Но как немного здесь вояк!
Ведь остальные капитаны,
Полковники и капелланы
Сидят внизу, горят в аду,
Плюются на сковороду.

Вот слышат братья по оружию,
Как прорывается наружу
Откуда-то призывный шум:
Турум-тум-тум, турум-тум-тум.

Тогда по облакам чудесным
Они спешат к вратам небесным
И обращают слух к земле.
Там барабаны бьют под стягом,
Идут друзья железным шагом
И трубачи трубят во мгле.
Скрипят телеги, латы блещут,
Знамена на ветру трепещут,
Горят деревни, вьется дым,
К вратам вздымаясь неземным.

Вдыхая горький дым и плача,
Они глядят на жаркий бой:
Кому достанется удача
И кто останется живой?

Придет апостол и солдат
Прогонит от небесных врат.
И снова во дворце старинном
Сидят они перед камином,
Молчат, раздражены и грубы,
Лишь прорывается сквозь зубы
Глухой мотив, призывный шум:
Турум-тум-тум, турум-тум-тум.